

— Пепельные зрачки, серо-зеленоватый цвет лица, заклятие на шее, небрежно завязанная длинная коса и рваное длинное платье, — как всегда неторопливым и ленивым тоном произнес А Чжань. — При этом, когда он разговаривает с людьми, его зрачки двигаются, что сильно отличает его от тех мертвецов-мстителей. Из этого следует, что у этих деревенских жителей, судя по всему, глаза сгнили уже после смерти, поэтому они и ничего не видят.

Услышав это, Вэнь Ланьшу кивнул и мысленно даже поаплодировал А Чжаню, а затем с улыбкой произнес:

— Верно, А Чжань описал именно их характерные черты. А вот то, что попало маленькому господину, должно быть, является цзиньлингом.

— Цзиньлингом? — хором переспросили Фэн Цинянь и Фэн Цюши.

Фэн Цинянь поинтересовался:

— Что еще за чертовщина этот цзиньлин?

— Цзиньлин делится на два вида. Первый — когда собственное желание выжить переросло три мира и шесть путей, из-за чего он продолжает влачить жалкое существование среди людей. Второй же — это мертвецы, призванные обратно с помощью Техники Перерождения в Злом Теле: у них одинаковые погребальные одежды и особые метки. Иными словами, человеческое тело после смерти превращают в сосуд для озлобленных духов и зловещей ци, а его боевые способности превосходят любых адских воинов и генералов-призраков, делая его высшим созданием среди трупных демонов, — серьезно объяснил Вэнь Ланьшу. — Поэтому тот, кто накладывает запретную технику создания трупных марионеточных демонов — вечный грешник в веках.

Согласно законам трех миров, тех, кто признан вечным грешником, после смерти непременно полагалось заточать в каменный саркофаг, забивать восемь гвоздей, блокирующих меридианы, и вырезать даосские кости. Душу навечно, из поколения в поколение, запирали внутри каменного саркофага, пока по истечении десяти лет она не обращалась в прах, исчезая без надежды на перерождение.

Однако у цзиньлингов была и своя неизбывная мука.

Будучи цзиньлингом высшего ранга — трупным марионеточным демоном, такой человек должен был хранить в сердце неугасимую навязчивую идею: из-за некоего незавершенного дела его душа отказывалась покидать тело. Лишь при этом условии он мог управлять плотью, подчиняться темным приказам кукловода и притягивать крайне инвертированную ци обиды, чтобы усилить свою демоническую мощь. Если цзиньлинг — это уже умерший человек, оказавшийся под чьим-то контролем, то он ничего не чувствует и не ощущает боли. Но если кукловод подвергал очищению и плаке еще живого человека, это становилось страшной казнью, схожей с живьем свежеванием мяса и соскабливанием костей, когда жизнь хуже смерти. Злобные духи и скверна со всех четырех сторон устремлялись внутрь через семь отверстий, а остатки живой крови спешно разлагались прямо в теле. Четыре гвоздя, запирающие дух, вбивались в затылок, а в ладони рук и стопы ног вонзались костяные гвозди, скрепляющие душу. И поистине невыносимую боль невозможно даже вообразить со стороны.

Сидя по левую руку от Вэнь Ланьшу и видя его серьезное выражение лица, А Чжань снова бросил на него взгляд и с улыбкой произнес:

— Брат Ланьшу, как же много всего ты знаешь.

Вэнь Ланьшу повернулся к нему, посмотрел на него и улыбнулся:

— Я тоже случайно вычитал это в книгах.

Заметив, как довольный и улыбающийся А Чжань сидит рядом с Вэнь Ланьшу, Фэн Цинянь внимательно оглядел его и подумал, что на свете поистине больше всего раздражают люди, которые не только чертовски красивы, но еще и невероятно богаты. Не удержавшись, он бросил:

— Эй, да ты кто вообще такой?

Услышав это, А Чжань отвел взгляд от Вэнь Ланьшу и посмотрел на Фэн Циняня с таким видом, будто совершенно не понимает, о чем речь:

— Мм?

Фэн Цинянь произнес:

— За последние десятилетия слухов о нечисти и призраках, творящих бесчинства среди людей, было немало, и я уверен, что молодой господин Чжань не может о них не знать. К тому же, судя по твоему благородному происхождению и манерам, ты если и не владыка дворца, то уж точно отпрыск знатного и влиятельного рода. Людей же, приходящих в Деревню Наньпин, можно пересчитать по пальцам одной руки, и все они прибывают либо по делам, либо с целью расследования. Если бы ты, как и мы, был выходцем из клана заклинателей, твое появление в этих зловещих горах было бы вполне естественным, но ведь молодой господин сам утверждает, что не владеет ни боевыми искусствами, ни заклинаниями. Не кажется ли тебе это несколько странным?

Хотя слова Фэн Циняня были предвзятыми, каждое из них звучало разумно. И тем не менее подобный прямой допрос, пусть они вместе и спасались от погони диких мертвецов, определенно создал вокруг них довольно напряженную атмосферу.

Вэнь Ланьшу в свое время бросился на помощь и познакомился с А Чжанем именно тогда, когда на того напали злодеи, однако о самом А Чжане, помимо его имени и цели путешествия, он не знал абсолютно ничего.

В ответ на допрос Фэн Циняня молодой господин А Чжань ничуть не выказал недовольствия — он лишь легко улыбнулся и произнес:

— Произошло недоразумение. Я действительно не принадлежу к числу заклинателей из знатных родов, я всего лишь праздный гуляка из мира цзянху. Но у меня, разумеется, есть свои причины прибыть в Деревню Наньпин, а встреча с уважаемыми молодыми господами произошла совершенно случайно — мы просто попутчики, чьи пути пересеклись.

Его чистые и сияющие глаза, похожие на глаза заплаканной красавицы, устремились на Вэнь Ланьшу, после чего он снова доброжелательно произнес:

— К тому же, раз я не умею ни воевать, ни колдовать, но в столь смутные времена все равно упрямо увязался за молодыми господами, я действительно лишь обуза для вас. Опасения молодого господина Циняня вполне понятны и разумны. Поэтому, как только этот дождь прекратится, я сразу же уйду.

Закончив говорить, он даже улыбнулся Вэнь Ланьшу, выражая показное сожаление.

Фэн Цинянь уже было ожидал, что этот никчемный слабак станет выискивать кучу причин, чтобы остаться, но никак не думал, что тот без лишних слов так легко и спокойно согласится уйти. Подобный ответ создал у Фэн Циняня ощущение, будто его самого буквально выгоняют. Услышав это, Фэн Цинянь больше ничего не ответил, лишь презрительно покосился на него и перестал обращать внимание — надо же, какой острый на язык...

Заметив эту молчаливую сцену, Фэн Цинянь прервал молчание:

— Раз... раз уж мы встретились... т-то это судьба... В-высочество... о-он просто проявил излишнюю осторожность... но... но... у него не было никаких дурных намерений... П-пожалуйста, не принимай это близко к сердцу, молодой господин Чжань...

Услышав слова Фэн Цюши, Фэн Цинянь снова бросил на него косой взгляд и мысленно выругался: «Чего?! С какой стати всё выставлено так, будто это моя вина?! Хм-м-м!»

А Чжань же приветливо улыбнулся:

— Ничего страшного, молодой господин Цинянь совершенно прав.

Видя это, хранивший молчание и улыбнувшийся Вэнь Ланьшу произнес:

— Судьба сводит людей за тысячу ли, а без нее не встретишься и лицом к лицу. В годы юности можно собраться вместе у порога любой из четырех сторон света под звон стали и чашу вина, не говоря уже о нас с вами.

Услышав это, А Чжань посмотрел на Вэнь Ланьшу и спустя мгновение легко улыбнулся. Вслед за ним мягко улыбнулись Вэнь Ланьшу и Фэн Цюши.

— Ну вот, дождь прекратился.

Вэнь Ланьшу поднялся с земли, отряхнул рукава и, пройдя пару шагов вперед, увидел, что небо на улице пусть и затянуто тускло-синей пеленой тумана, но шум дождя стих — ливень прекратился.

А Чжань, Фэн Цинянь и Фэн Цюши тоже поднялись на ноги и отряхнулись от пыли. Фэн Цюши произнес:

— Б-брат Вэнь, э-эта... кумирня уже запечатана... е-если мы вот так уйдем... т-то ничего не

подозревающие сельчане могут случайно заблудить... и что же тогда делать?..

Стиль ведения дел генерала Цюшэня всегда отличался осторожностью, и Вэнь Ланьшу невольно мысленно похвалил его.

— Верно, генерал Цюшэнь прав, — отозвался он и, повернувшись, принялся рыться в стоящем неподалеку бамбуковом коробе.

После серии стуков и шорохов Вэнь Ланьшу умудрился отыскать на дне короба лист рисовой бумаги и кисть, но сколько ни шарил вокруг, туши так и не обнаружил.

Поразмыслив, он огляделся по сторонам и заметил, что рядом с белыми фонарями, висящими в зале, стоит полупустая плошка с остатками растертой туши. Вэнь Ланьшу подошел, взял ее, слегка подул на поверхность и вернулся к рисовой бумаге. Он аккуратно расправил лист, обмакнул кисть в тушь, но перед самым тем, как коснуться бумаги, вдруг замер.

— Что такое?

Вэнь Ланьшу слегка прикусил губу, но, подняв голову, обратился к А Чжаню:

— А Чжань, напиши-ка это ты.

Услышав просьбу, А Чжань не стал задавать лишних вопросов и просто ответил: «Хорошо». Взяв кисть, он с легкостью вывел несколько иероглифов:

«Здесь запечатано зло, путникам остановиться».

Почерк был ровным и аккуратным, первые штрихи дышали горделивой независимостью, а завершающие линии ложились легко и свободно.

Глядя на восемь крупных иероглифов, написанных А Чжанем, Вэнь Ланьшу невольно искренне похвалил его:

— А Чжань, у тебя просто прекрасный почерк.

А Чжань лишь слегка улыбнулся.

Оберег был полностью готов. Вэнь Ланьшу взял лист рисовой бумаги, подул на еще не высохшую тушь, а затем повернулся и с помощью заготовленного мучного клейстера наклеил его на верхнюю часть деревянной двери. Разгладив бумагу ладонью, он с чувством глубокого удовлетворения осмотрел результат.

— Ну что, идемте.

Вэнь Ланьшу зашагал впереди, и троица послушно перешагнула через порог.

Затворив за собой деревянную дверь, они ступили на горную тропу, петлявшую среди лесных зарослей, где всё вокруг теперь просматривалось как на ладони.

Горная тропа в Деревне Наньпин тянулась изрядно — чтобы добраться от задней горы обратно до селения, требовалось преодолеть немалое расстояние. К счастью, июльский дождь хоть и принес с собой прохладу, но ледящего холода в нем не было и в помине.

Сумерки сгущались, и лесные заросли на горе после затяжного дождливого тумана казались мазками еще не высохшей туши в стиле пейзажной живописи. Горная тропа после дождя пестрела лужами и колдобинами, однако плывшая в воздухе пыль была начисто смыта водой, отчего воздух в горах Наньпин казался исключительно свежим и легким, а волны ароматов влажной травы, лиан и сырой земли струились повсюду, словно невидимый утренний туман.

По широкой дороге шли всего четверо, а наступающие сумерки нагоняли прохладный ветерок. Ветер касался их лиц, трепал волосы и оведал кожу легкой влагой.

Все четверо шагали плечом к плечу. Если присмотреться, А Чжань и Фэн Цюши были явно выше ростом, чем Вэнь Ланьшу и Фэн Цинянь, выглядя подтянутыми, стройными и исполненными изысканного благородства.

А Чжань шел по правую руку от Вэнь Ланьшу. Сам же Вэнь Ланьшу страдал топографическим кретинизмом десятой степени: если бы эта горная дорога не вела прямой нитью сквозь всю деревню к задней горе, он бы ни за что не смог выбраться с Горы Шэньлянь, особенно сейчас, когда им предстояло преодолеть заброшенный участок пути.

Небо постепенно погружалось во тьму, однако в этот день на небе не показалось солнца, и с наступлением вечера всё окрасилось в глубокий сине-мглистый оттенок, не оставив и следа закатного зарева.

Ночь в июле, цикады звенят.

Девы с праздника духов прекрасны манят.

Парнишка прельстится — и жизни лишится.

Хочешь выжить во мгле — не броди по земле.

Эта народная песенка происходила из старинного сказания «Полночные девы». В нем рассказывалось о том, как во время июльского праздника Середины лета по заброшенным горам то и дело рыщут призраки и духи: одни оборачиваются странствующими учеными, другие — стариками и детьми с растрепанными волосами, а третьи принимают облик прекрасных девиц, заманивая проходящих мимо сладострастных странников, чтобы в конце концов сожрать их. Песня предостерегала от ночных странствий в праздник Середины лета.

Табу древнего праздника Середины лета строжайше запрещало людям ночные прогулки.

Истории о том, как Призрачная Гуаньинь пожирает людей, витали в сознании непрошенными гостями, а ночной ветерок, оставшийся после дождя, пробирал до мурашек своей прохладой, из-за чего Фэн Цинянь и А Чжань невольно прижались ближе к Фэн Цюши и Вэнь Ланьшу.

Заметив это, Вэнь Ланьшу протянул руку в левый рукав и спустя мгновение извлек оттуда наполовину догорающий огарок свечи. Напитав фитиль духовной силой, он зажег пламя и протянул свечу шествующему рядом А Чжаню.

А Чжань молча взял ее. Шагавший с другой стороны Фэн Цинянь в этот момент подумал про себя: «У этого прохвоста Вэнь Ланьшу из рукава вечно можно вытащить абсолютно всё что угодно...»

«Но какого чёрта ты хоть раз не вытащишь пару сотен лянов для меня, высочества?!»

Не успела эта мысль окончательно угаснуть в голове Фэн Циняня, как он увидел, что Вэнь Ланьшу снова засунул руку за пазуху и вытащил нечто завернутое в промасленную желтую бумагу. Развернув сверток, Фэн Цинянь и остальные увидели два крупных белых паровых маньто.

Они были без начинки, но если бы у Вэнь Ланьшу был выбор, он бы непременно предпочел свои самые любимые булочки с мясом.

Он протянул одну булочку Фэн Цюши со словами: «Это вам». Затем разломил ту, что держал в собственной руке, пополам и протянул большую часть А Чжаню, улыбнувшись: «Тебе».

А Чжань взял кусок, тихо поблагодарил, даже не глядя на еду, откусил кусочек и принялся медленно пережевывать. Вэнь Ланьшу тем временем тоже неспешно ел оставшуюся у него половину.

Искренне поблагодарив, Фэн Цюши также разломил полученную от Вэнь Ланьшу булку пополам и протянул одну половинку Фэн Циняню:

— В-высочество... э-эта половинка вам...

Однако Фэн Цинянь презрительно покосился на нее и высокомерно заявил:

— Хм, это высочество никогда не станет есть такую деревенскую преснину.

Фэн Цюши лишь тяжело вздохнул:

— Ваше высочество...

Стоило ему умолкнуть, как из глубины их группы донесся отчетливый звук урчащего желудка. Все трое, занятых поеданием булочек, синхронно уставились на Фэн Циняня, который, даже не поворачивая головы и скрестив руки на груди, продолжал вышагивать вперед.

Спустя какое-то время половинка булочки всё же исчезла в желудке Фэн Циняня, и урчание утихло. Наступила глухая ночь, четверо путников освещали дорогу единственным огарком свечи, отбрасывавшим дрожащий свет на влажную дику и блуждающие огоньки светлячков. Вокруг простиралась глухая дикая глушь с редкими деревьями.

По пути им попала крошечная кумирня, сложенная из камней и песка и заменяющая алтарь

для воскурений, однако внутри не было никаких статуй — лишь листок красной бумаги с начертанными на нем строками. На левой стороне красовалось: «Божество Тайгун здесь», на правой — «Все бесы с четырех сторон прочь», а посередине крупными иероглифами было выведено: «Изгнать нечисть, отвести беду».

Вэнь Ланьшу оглядел алтарь и тяжело вздохнул, подумав про себя: «Эта Призрачная Гуаньинь и впрямь до смерти перепугала всю Деревню Наньпин, святилища божеств теперь на каждом шагу».

Стоило ему вздохнуть, как прямо над ухом раздался тихий голос:

— Беда? Имеется в виду та самая Гуаньинь Мира Лотосов?

Вэнь Ланьшу повернул голову и увидел, что А Чжань тоже смотрит на маленькую кумирню, внимательно вчитываясь в написанные черной тушью на красной бумаге иероглифы.

Вэнь Ланьшу ответил:

— Лодочник рассказывал, что после того, как тридцать лет назад Гуаньинь сожрала людей, на Деревню Наньпин обрушились осенний мор и наводнение. Судя по этим двум бедствиям, речь, скорее всего, идет именно о той Гуаньинь Мира Лотосов.

А Чжань спокойно продолжил:

— Сначала божество Гуаньинь, почитаемое тысячами людей, а затем наводящая ужас демоница-бедокурка — здешние божества меняют личины поистине стремительно.

Его выражение лица оставалось безмятежным и праздным, а тон звучал так, будто он давным-давно разгадал все хитросплетения судьбы. Вэнь Ланьшу произнес:

— Мы знаем, что эта Гуаньинь ест людей, но... не знаем, почему она это делает.

А Чжань с лукавством в голосе заметил:

— То, чего не знаем мы, вовсе не значит, что не знают жители Наньпина.

Множество неразрешимых загадок — от пожирания людей Призрачной Гуаньинь до стихийных бедствий и эпидемий, от невозможности сдвинуть с места каменную статую до брызг крови, обагривших ее — сплелись воедино с подсказками, полученными сегодня. Всё это смешалось, точно зерна черного и фиолетового риса, ссыпанные в один котел: попытаешься разобраться — лишь глаза утомишь в ряби, право слово, голова шла кругом.

Вэнь Ланьшу нерешительно произнес:

— На самом деле... у меня давно вертится одна довольно дерзкая догадка.

Фэн Цинянь тут же перебил его:

— Раз уж догадка дерзкая, так и не высказывай ее.

А Фэн Цюши, напротив, с любопытством спросил:

— Б-брат Вэнь... и какова же... твоя догадка?..

Вэнь Ланьшу замялся:

— Что, если... то наводнение и эпидемия много лет назад вовсе не были насланы Гуаньинь Мира Лотосов? Не доказывает ли это тогда, что бушующих в Деревне Наньпин демонов и призраков гораздо больше, чем один? — помолчав, он добавил: — И еще кое-что... Как и говорил высочество Цинянь, если тот человек, которого якобы съела Гуаньинь, к тому моменту уже был мертв?..

Фэн Цюши похолодел от ужаса:

— Ч-человек, который уже был мертв... а п-потом его еще и съела Гуаньинь?.. Т-тогда... неужели кто-то... кто-то скармливал людей... э-этой Гуаньинь Рождения Лотоса?..

Услышав это, Фэн Цинянь не удержался от изумления:

— Кто-то скармливал людей этой Гуаньинь Рождения Лотоса?! Разве так вообще бывает?!

А Чжань с улыбкой отозвался:

— А почему бы и нет?

Вэнь Ланьшу покачал головой:

— Но это... всего лишь предположение, делать окончательные выводы пока нельзя.

Тогда А Чжань, улыбнувшись, посмотрел на Вэнь Ланьшу и снова произнес:

— Пусть это лишь предположение, но по крайней мере мы получили одну вполне вероятную зацепку, не так ли, брат Ланьшу?

Услышав это, Фэн Цинянь, наблюдая за тем, как эти двое поддакивают друг другу, обмениваясь мягкими улыбками, презрительно скривился и бросил:

— Всякие догадки вроде этой всегда угадывают пальцем в небо.

А Чжань неторопливо поднял на него взгляд и деланно удивился:

— С чего это молодой господин Цинянь делает такие выводы? В конце концов, автором первоначальной идеи был именно молодой господин Цинянь.

Фэн Цинянь задиристо парировал:

— А я вот предполагаю, что убийца — это кто-то из самих жителей Деревню Наньпин! Чего же ты этому не веришь?

А Чжань тут же ответил:

— Верю, отчего же не верить предположениям молодого господина Циняня. Если молодой господин Цинянь сможет отыскать этому доказательства, я поверю еще сильнее.

Фэн Цинянь кипел от гнева, но не знал, что возразить, а потому лишь таращился на противника с оскаленными зубами, пытаясь придать себе грозный вид.

В этот самый момент налетал порыв ветра, и вокруг тускло мерцающего храма промелькнула стройная, худенькая тень.

Тень была светлых оттенков — если выражаться точнее, это были лоскуты некогда желтых одежд, сплошь покрытые засохшей кровью. Скорость ее передвижения поражала: она двигалась так быстро, что стоило моргнуть, как силуэт бесследно растворился во тьме. И уж кому-кому, а Вэнь Ланьшу, Фэн Циняню и Фэн Цюши, долгое время обитавшим в преисподней, не было нужды гадать, что это за создание — даже мимолетного взгляда хватило, чтобы безошибочно узнать остаточную душу.

Вэнь Ланьшу прошептал:

— Остаточная душа... Неужели это та самая девушка со вчерашнего дня!

Поразмыслив, Фэн Цюши произнес:

— ...Она... кажется, погибла от тяжелых ранений...

Хранители душ с Моста Тысячи Мыслей от природы обладали способностью заглядывать в суть чужих душ мимоходом. Фэн Цинянь нахмурился:

— Зачем нестись так далеко? Неужели спешит на перерождение?

А Чжань покачал головой:

— Если бы она хотела переродиться, то наверняка сделала бы это давным-давно. Раз она упрямо удерживает в мире живых хотя бы одну свою душу, значит, ее держит здесь какая-то глубокая привязанность.

Фэн Цинянь вновь недовольно фыркнул:

— Ого, да ты у нас знаток!

Услышав его тональность, А Чжань, как всегда лениво и безмятежно, возразил:

— В этом нет никаких тайных даосских секретов, обычные народные поверья. Что такое, неужели молодой господин Цинянь затворник из благородного семейства, что носа не кажет за пределы дома и знать ничего не желает о внешнем мире?

Услышав это, Фэн Цинянь сквозь Вэнь Ланьшу и Фэн Цюши снова принялся испепелять его взглядом, скрежеща зубами:

— Ах ты проклятый мажор!..

А Чжань же, приподняв брови с игривой усмешкой, отпарировал:

— Благодарю за комплимент, молодой господин Цинянь.

— Черт побери!! Да ты...! — не успел гневный возглас Фэн Циняня сорваться с губ до конца, как внезапно налетел порыв зловещего ветра, мигом сдувший весь его спесивый вид. Вэнь Ланьшу тяжело вздохнул и мягко произнес:

— Ваше высочество Цинянь... Середина седьмой луны, в ночных странствиях меньше слов.

— Мгм, хорошо, брат Ланьшу, — с неподдельной кротостью и кроткой улыбкой послушно отозвался А Чжань.

——

Прошагав еще около получаса, они обнаружили, что огарок свечи в их руках давно догорел, но дорога вскоре вывела их к границам Деревни Наньпин.

В седьмую луну врата ада распахиваются настезь, и в обычные дни в это время селяне уже затворяли двери, запирали ставни и гасили светильники. Однако сегодня из-за проклятия Призрачной Гуаньинь, странной эпидемии и прибытия двух заклинателей из «знатных и влиятельных родов» каждая семья зажгла фонари и свечи. Все жители толпились в самом селении, поджидая возвращения Вэнь Ланьшу и А Чжаня.

Стоило четверке войти в Деревню Наньпин, как они увидели толпу сельчан, столпившихся вокруг жилища А Шуя — все лица выражали крайнюю тревогу.

Что произошло? Заметив их, кто-то во всю мочь завопил:

— Это вернулись бессмертные наставники!

Услышав это, деревенские со всех ног бросились вперед их встречать.

Вэнь Ланьшу и остальные едва прибыли в Деревню Наньпин, как сразу же увидели сбившиеся в кучу толпы сельчан. Если бы эти люди собрались на деревенской улице встречать Вэнь Ланьшу из глубокого уважения и почтения, тот наверняка был бы счастлив до небес.

Но Вэнь Ланьшу прекрасно понимал: это абсолютная невозможность. А если бы кто-то и пользовался всеобщим обожанием, то это непременно был бы ослепительный и элегантный А Чжань, или учтивый и дружелюбный Фэн Цюши, или даже задиристый, но упорный донельзя Фэн Цинянь.

Завидев, как толпящиеся сельчане бегут к ним вприпрыжку, Фэн Цюши растерянно пролепетал:

— Б-брат Вэнь...

Заметив спешащего к ним престарелого сельского старосту, опирающегося на трость и

замершего с перекошенным от тревоги лицом, Вэнь Ланьшу уже догадался, что в деревне снова стряслось что-то из ряда вон выходящее.

Шум и галдеж стремительно приближались. Четверо спутников тоже ускорили шаг, и всего через несколько мгновений они услышали громкий голос старосты:

— Уважаемые бессмертные наставники! Уважаемые бессмертные наставники!

<http://bllate.org/book/19318/1889655>